

К 100-летию писателя А.Д. Знаменского (1923 – 1997)

ОН ВЕРИЛ В РОССИЮ

Распята Россия врагами
На старом библейском кресте,
Который воздвигли мы сами
В душевной своей простоте...

Р.П. Кумов,
донской литератор

Помню, в марте 1997 года как гром с ясного неба обрушилась на меня чёрная весть – не стало моего старшего доброго друга, земляка-кубанца, замечательного русского писателя-патриота, человека многострадальной жизненной судьбы, на плечи которого с юных лет свалились тяжёлые испытания, горести и печали – Анатолия Дмитриевича Знаменского...

Из его сдержаных, доверительных писем ко мне было видно, как он болезненно переживал пресловутую горбачёвскую «перестройку», называя её иронически «катастройкой», вконец, не без помощи западных «партнёров», терзающей и убивающей Россию. Его чуткое, ранимое сердце не выдержало страшных психологических перегрузок – разорвалось. Его у б и л о чёрное, беспросветное безвременье роковых для страны 1990-х годов.

Что-то символическое и многозначительное таит в себе его фамилия – Знаменский: знамение, предсказание, пророчество, путь к Истине...

С содроганием я читал некролог в «Советской России», мучился от невосполнимой утраты – и чувствовал в душе смутную, неизъяснимую вину перед этим человеком, хотя ни в чём перед ним вроде бы не повинен. Сердце до сих пор гложет тоска и досада, что не оказался в тот роковой час рядом с ним, не протянул руку помощи, как это охотно, по-товарищески делал он, не поддержал тёплым ободряющим словом. Велика Русская земля!.. Разбросало, разъединило нещадно нас по разным концам света – не собраться, не объединиться, не услышать дружеского голоса друг друга...

Но я счастлив уже тем, что не только хорошо знал Анатолия Дмитриевича, доверительно общался с ним в Краснодаре, писал о его прекрасном, вдохновенном творчестве, рассказывал студентам о его прекрасных книгах и нелёгкой судьбе на лекциях в университете, но и получил из его рук рекомендацию для вступления в члены Союза советских писателей. Он, что называется, благословил меня на нелёгкую благородную литературную стезю. Этим я буду гордиться всю жизнь!..

Анатолий Дмитриевич высоко ценил крепкую мужскую дружбу, ему смело можно было доверить самую сокровенную тайну души и сердца. Литература всегда оставалась для него главным смыслом жизни и борьбы за правду. Одним из первых в нашей литературе он пробил брешь в системе идеологических запретов

и табуированных тем, связанных с революцией октября 1917 года и гражданской войной в России, твёрдо и последовательно выступал за реабилитацию казачества, прямо называя имена мучителей русского народа - проводников политики «расказачивания», раскулачивания, т. е. геноцида против огромной массы безвинных тружеников юга России, восстановил в правах честное имя подло застреленного легендарного командарма Ф.К. Миронова (роман «Красные дни»).

Горькая, тяжкая участь донского и кубанского казачества не обошла стороной ещё молодого Толю Знаменского. Семья попала под раскулачивание и зачислена в категорию «лишенцев», то есть лишена была всех гражданских, конституционных прав.

Незадолго до этого вместе с другом-одноклассником Андреем Косовым задумал он издавать рукописный журнал «Накануне», за что их арестовали и препроводили во внутреннюю тюрьму при управлении НКВД. Обвинили в создании «преступной группы», в которую попал и отец будущего писателя Дмитрий Максимович Знаменский. Приговор не заставил себя долго ждать – юноша был осуждён на 6 лет ИТЛ (Исправительно-трудовых лагерей, ст. 58 – 10,11). Последовали этап в Сибирь, Балашовская, Мицуринская, Краснопресненская и Котласская пересыльные тюрьмы. Потом ссылка в Коми АССР, тяжёлая работа на лесоповале строителем-разнорабочим, десятником на торфяном карьере, старшим нормировщиком строительно-монтажного управления, начальником отдела труда и заработной платы в нефтеразведке в управлении Верхне - Ижемского разведочного района, завотделом в районной газете «Ухта» и прочие беспроблемные «радости» новой жизни под крепким замком...

В лагерях и ссылке на Крайнем Севере будущий писатель провёл почти 17 лет, но неискоренимые казачьи корни предопределили его сильный волевой характер. Тяжкие испытания не помешали Знаменскому достойно жить и трудиться, оставаться человеком в самых, казалось бы, несносных условиях. Казачий вольнолюбивый дух, глубоко осознанное понимание чести и достоинства послужили глубинной основой, из которой он черпал темы произведений и характеры своих героев. После своего освобождения начинающий писатель вплотную занялся литературой, опубликовал в 1950 году в журнале «На рубеже» (ныне «Север») свой первый роман «Неиссякаемый пласт», там же в 1958 году был опубликован роман «Ухтинская прорва». Скоро А. Знаменский поступил на Высшие литературные курсы при Литературном институте им. А.М. Горького, успешно окончив их в 1960 году.

С этого времени и до конца жизни А. Знаменский провёл на Кубани, ярко и поэтично воспевая этот красивейший благодатный край, его нелёгкую суровую историю. Но огромная жажда поведать о людях Севера осталась в его памяти и сердце навсегда. «Именно глубокое знание и любовь к северному краю, - по мнению критика Д. Гусарова, - дали возможность написать А. Знаменскому произведения ярким, по - северному живописным и поэтическим языком».

Немаловажную роль сыграло и то, что «сюда, на север, как и на юг – в казаки, издавна уходили русские люди в поисках счастливой и свободной жизни,

и потому именно на севере А. Знаменский нашёл близкие его идеалам характеры, широта и открытость которых оказалась сродни выходцу с русского юга. Север заполонил сердце донского казака своими огромными просторами, сравнимыми лишь со степным раздольем» (Юрий Дюжев. Памяти Анатолия Знаменского. – Север. – 1997. - №4. – С. 150).

Переехав на юг, А. Знаменский продолжил осваивать на новом жизненном материале характеры сильных, честных и добрых казаков, их трудную историю, им посвящены повести и рассказы 1960 – 70-х годов: «Завещанная река», «Семь концов», «Безымянные высоты», «Песнь песней», «Там, за Кубанью» и многие другие.

Хорошо известна активная общественная жизнь Анатолия Дмитриевича, он стоял у истоков возрождения Кубанского казачества – не случайно его называли казачьим летописцем. Тема исторической судьбы казачества стала ведущей в его творчестве. Так, он талантливо поведал о безнадёжном восстании Кондратия Булавина, о кровавой гражданской войне на Дону и Кубани, о суровых военных буднях партизанских разведчиков, о трудной борьбе за хлеб...

В повести «Кубанка с красным верхом» писатель рассказал о жителях стародавней казачьей станицы Хадыженской. «Места вокруг красивые: зелёные кавказские увалы, густые дубовые и буковые леса и вдали – рафинадно - белые вершины Фишта и Оштека... Станица Хадыженская, извечно страдавшая от избытка сырости, тонула в рыжей, тягучей грязи. Клокотал мутный Пшиш, захлёбываясь илистыми притоками Хадыжки и Мутнянки... По кривым уложкам не стало хода ни пешему, ни конному... Хадыжи... Жилось скучно и трудно... Землю отвоёвывали у леса топором и огнём... Жили казаки в лесу: зиму и лето рубили дубняк и грушу, возили за сто вёрст степнякам-кубанцам... Обратно везли зерно и муку на зиму». В повести рассказано о том, как пробивали туннель и строили железную дорогу в Туапсе.

В Хадыженске сохранился домик, который строил сам Знаменский. Летом он утопает в зелени и цветах, а зимой, как сказочный теремок, окутан снегом. В этом городе писатель создал многие своим произведения, руководил литературным кружком при городской библиотеке, неоднократно избирался депутатом городского и районного Советов. Здесь он написал романы «Иван-чай», «Как все» («Год первого спутника», 1965), повести «Сыновья Чистякова» (1961), «Осина при дороге» (1966), «Обратный адрес» (1967) и другие. В 1971 году центральное телевидение сняло по повести «Осина при дороге» фильм «Лесная командировка».

С 2005 года имя Анатолия Знаменского носит казачья средняя школа №13 г. Хадыженска. На здании школы установлена мемориальная доска. Память о писателе бережно хранят жители этого города и воспитанники казачьей школы.

А.Д. Знаменский удостоен ряда высоких титулов, наград и премий: Государственной премии РСФСР имени М. Горького (1989) – за роман «Красные дни», Международной премии имени М.А. Шолохова в области литературы и искусства (1993). В 2005 году краснодарским региональным отделением СПР и мэрией г. Краснодара учреждена премия имени Анатолия Знаменского.

Отдельные произведения писателя переведены на иностранные языки, а также на языки народов ближнего зарубежья.

…Между тем, на мой взгляд, память о писателе и его замечательных произведениях ещё недостаточно закреплена в сознании кубанцев и широкого российского читателя. Его книги призваны быть объектом пристального, профессионального внимания филологов. Многие его художественные творения достойны быть включёнными в хрестоматию современной российской прозы, в учебные программы по литературе школ и вузов. Призываю коллег-учёных, преподавателей литературы в школах и вузах активно изучать и пропагандировать творческое наследие писателя-мыслителя, истинного патриота Отечества, автора сорока книг, многих по-граждански смелых и глубоких газетных и журнальных публикаций.

…По признанию многих критиков и читателей, вершиной творчества А. Знаменского является двухтомный документальный роман - хроника «Красные дни» - о командарме Второй конной армии Ф.К. Миронове, созданный в русле творческих исканий гениального произведения XX века – «Тихого Дона» М. Шолохова. После его выхода в свет автор получил более пятисот восторженных читательских откликов.

А. Знаменский боготворил Шолохова, ему были до боли близки и понятны те герои, которых создал великий русский писатель. Но, изображая братоубийственные, кровавые события Гражданской войны, писатель пошёл своим путём, сконцентрировав внимание на лицах и неизвестных ранее эпизодах, на сложных исторических перипетиях казачьей жизни, ещё не получивших достаточно полного художественного осмысливания в литературе. Усложнился, стал более многогранным у писателя и концептуальный подход к тем историческим потрясениям, что испытывали Кубань, Дон, вся Россия.

Главный герой романа Филипп Кузьмич Миронов родился 14 (26) октября 1872 года в станице Усть-Медведицкой (ныне город Серафимович Волгоградской области) в казачьей семье. Окончил Новочеркасское юнкерское училище, участвовал в русско-японской войне 1904 – 1905 годов: проявил себя как мужественный и бесстрашный командир, совершал смелые рейды в тыл японцев. Был награждён четырьмя орденами и произведён в чин подъесаула. Во время первой мировой войны командовал отрядом разведчиков.

После февральской революции Миронов был избран командиром 32-го Донского казачьего полка, активно участвовал в борьбе за Советскую власть. Был окружным комиссаром на Верхнем Дону, командовал полком, бригадой, 23-й стрелковой дивизией, группой войск 9-й армии. Соратники вспоминали своего командира как активного защитника народа, уважительно называли «дедушкой Мироновым», безоглядно верили в него как открытого, честного, душевного человека. В 1918 году он был удостоен редкой для того времени награды – ордена Красного Знамени.

С самого начала гражданской войны Ф.К. Миронов выступал решительным противником левацкой политики «расказачивания» и обрёл себе очень опасного врага в лице Льва Троцкого – главного вдохновителя политики «расказачивания»

и «раскрестьянивания». Кончилось тем, что Миронов и десять его соратников были приговорены к расстрелу. Но Политбюро ЦК РКП (б) их реабилитировало, за Миронова поручился Ф.Э. Дзержинский.

«Казачий вопрос – это тот же крестьянский вопрос, но в более трудном варианте, - писал профессор Ф.Г. Бирюков. ...К этому времени определились два подхода к донской проблеме. В первом случае подразумевалось прочное соглашение с трудовым народом Дона, привлечение его на нашу сторону методами агитации, опытом революции, советского строительства. ...Была твёрдая уверенность, что Советская власть, и только она, способна объединить в общую семью всех трудящихся, вывести казаков на широкий путь гражданской и духовной жизни. ...Первую линию проводили на Дону Ковалёв, Бураго, Дорошев, Щаденко, Миронов, отец и сын Серафимовичи, Сокольников, Сдобнов, Трифонов, Ефремов, члены казачьего отдела ВЦИК. ...Вторую линию осуществляли Троцкий, Сырцов, Френкель, Ларин, Гроднер, Ходоровский, Якир, Кржевицкий. В 1919 году одержала верх вторая линия. Она нашла подтверждение в циркулярном письме Оргбюро ЦК РКП (б) от 29 января 1919 года, где вменялось в строгую обязанность военным трибуналам, ревкомам «проводить массовый террор против богатых казаков, истребив их поголовно, провести массовый террор по отношению ко всем казакам, принимавшим какое-либо прямое или косвенное участие в борьбе с Советской властью» (Бирюков Ф.Г. На пути к истине. Послесловие к роману «Красные дни». – Роман-газета. – 1989, № 1104 – С. 123. Далее цитирую это издание романа с указанием страниц).

Финал был трагичен: Ф.К. Миронова снова арестовали, вменив ему вину якобы организатора готовящегося восстания. Виновным он себя не признал. 2 апреля 1921 года был подло застрелен во дворе тюрьмы...

В 1959 – 1960 годах в результате дополнительного расследования определением Военной коллегии Верховного суда СССР от 15 ноября 1960 года легендарный командарм был признан невиновным. Такова ключевая сюжетная линия «Красных дней». За ней легко угадываются подлинные причины других драм и трагедий, в частности, изгнание Автономова, расстрел Матвеева, Думенко, обвинение Жлобы в дезертирстве, непроясненная история с Сорокиным и другие. Безусловно одно – беспощадное взаимное истребление «красных» и «белых» на Дону и Кубани было бы менее кровопролитным, если бы наиболее рьяные представители верховного большевистского руководства русофобского закваса не запустили в ход жестокую машину повального «расказачивания»...

Вот что незадолго до своей гибели писал Ф.К. Миронов: «Как я понимал своё назначение среди человечества, скажут эти мои записки, но не статьи Троцкого, Черноморцева и др., приписывающих мне карьеризм, авантюризм и т.п. ...Девиз моей жизни – ПРАВДА! ...Всё несчастье моей жизни заключается в том, что для меня – когда нужно сказать чистую правду – не существует ни генерала царской армии, ни генерала Красной Армии. Правда, как всем нам известно, есть общественная необходимость. Без неё жизнь немыслима. Правда, являясь двигателем лучших, возвышенных сторон человеческой души, должна чутко оберегаться от захватывания её грязными руками. Она, в своём голом виде,

тяжела, и кто с ней подружится – завидовать такому человеку не рекомендуется. Для неё нет ни личных, ни политических соображений – она беспристрастна, но жить без неё немыслимо. Правда, как говорит наш народ, ни в огне не горит, ни в воде не тонет. И всю жизнь я тянусь к этому идеалу, - падаю, снова поднимаюсь, снова падаю, больно ушибаюсь, но тянусь... мы обязаны идти, если живём не во имя личного эгоизма...» (Цитирую послесловие к роману «Красные дни» проф. Н.Н. Яковлева: «Подвиг и трагедия». – Указ. изд. - С. 125).

А. Знаменскому претит фальшивая объективистская «правда» истории, построенная на «классовых» постулатах, лишённая народного, национального духа и сознания. Отсюда ему далеко не безразличны кристально чистые морально-нравственные принципы и устои его главного героя. Напротив, именно они определили концепцию «Красных дней», те оценки и суждения, что вытекают из художественной ткани произведения. Не зря один из персонажей «Купины неопалимой» произносит: «Сочинить, милый, можно всё, - ты мне правду скажи...».

Сказать Правду во всей её широте и глубине – главный художественный ориентир писателя. Подтверждением этих слов служит и мнение профессора И.П. Осадчего: «А. Знаменскому не просто удалось воссоздать героико-драматическую судьбу и трагический финал Ф.К. Миронова, но показать его таким, что он, бесспорно, станет сегодня значительным и близким нынешним поколениям советских людей, станет столь же любимым и родным, каким он был в пору своего чрезвычайно беспокойного, тревожного, но неповторимо значительного буреломного времени для трудового народа» (Осадчий И.П. Правда истории. Послесловие к роману «Красные дни». – Указ. изд. С.127 – 128).

Проявляя подлинный историзм мышления, А. Знаменский умело воссоздал широкую картину сложных, кровавых, незабываемых лет, хорошо представляя, кому нужно опорочивать казаков, представлять их тёмной, косной силой, уже спустя годы. Писатель комментировал: «Каждая из этих историй, как видно, не производила, да и не могла произвести на сограждан особого впечатления: чего, дескать, не бывает на войне, тем более – гражданской! Но, собранные воедино, эти трагедии командиров, корпусных и дивизионных начальников совершенно непроизвольно и вдруг выявляли одну старательно маскируемую сущность. А именно ту, которая сводилась к злой и неуклонной дискредитации, с последующим уничтожением, всех народных вожаков и героев, выдвигаемых стихией революции и гражданской войны, делавших революцию и побеждавших в открытом бою белых генералов» (Знаменский А.Д. Красные дни. – Указ. изд. - С. 123 – 124).

С душевной теплотой выписаны в романе картины жизни и быта дореволюционного казачества. «Казак дорожит этим званием, и на это у него есть весьма веские причины. Он дорожит им, может быть инстинктивно, соединяя с ним те отдалённые, но не угасшие традиции, которые вошли в его сознание с молоком матери, с дедовскими преданиями, с грустным напевом старинной казачьей песни. Ведь отдалённый предок казака бежал когда-то по сиротской дороге на Дон, бежал от панской неволи, от жестоких воевод и неправедных

судей, которые писали расправу на его спине. Он бежал, бесправный, от бесправной жизни. Он борьбой отстоял самое дорогое, самое высокое, самое светлое – человеческую личность, её достоинство и завещал своим потомкам свой боевой дух и ненависть к угнетателям, завет отстаивать борьбой права не только свои, но и всех угнетённых...» (Знаменский А.Д. Красные дни. Указ. изд.- С. 13).

До революции октября 1917 года далеко не все казаки жили богато и привольно и были «беспощадными эксплуататорами трудового народа», как писали в ряде источников советского времени. Свой хлеб они добывали в поте лица, с винтовкой за плечами, трудясь денно и нощно. Часто обижали казаков правительственные чиновники, видя в них, как и в крестьянах, рабочий скот. «Правительство желает облагодетельствовать казаков отобранием войсковых запасных земель, в которых казаки сами до зарезу нуждаются и которые являются запасными только по воле начальства. Конечно, «собственность священна» только помещичья, ибо донцы по опыту знают, что казацкая собственность не священна и весьма прикосновенна. В продолжение девятнадцатого века правительство два раза ограбило казаков на три миллиона десятин, обратив лучшие казацкие земли в достояние господ дворян и чиновников.... Разве это важно для правительства? Для него гораздо важнее, чтобы казаки не поняли каким-либо образом, что и их кровные интересы неразлучны с интересами народа, который борется за землю и волю и человеческие свои права...» (Знаменский А.Д. Красные дни, указ. изд.- С.13).

Однако не оправдались радужные ожидания казаков – мирно трудиться, растить детей, верно и преданно охранять рубежи своей Отчизны – и по завершении кровопролитной Гражданской войны. Последовали многочисленные репрессии, повсеместное насильственное изымание тяжким трудом заработанного имущества, бесчтные расстрелы и ссылки в дальние края. Военным комиссаром Троцким проводилась жестокая линия на «ликвидацию казачества как класса...» В ещё большем зловещем духе звучала подписанная 24 января 1919 года Я.М. Свердловым грозная директива Оргбюро ЦК РКП (б) – о поголовном истреблении казаков...

Один из героев романа докладывал подробную обстановку в хуторах, станицах и округах Дона: «В народе поднимался ропот и даже страх перед сплошными реквизициями, говорили о бессудных расстрелах в красных тылах. Советской власти не выбирали, управление Южного фронта насаждало ревкомы из пришлых и случайных лиц с уголовным прошлым... Сеять в этом году люди будут, по-видимому, немного, только на личный прокорм, потому что сил маловато, да и потому, что опять всё продразвёрстка заберёт – не только излишки, но и самое кровное... А за всем этим надо ждать голода. Тревожно повсюду. На Волге уже были крестьянские бунты, теперь, слышно, в Тамбовской...». (Знаменский А.Д. Красные дни. Указ. изд.- С. 35 - 36).

Роман «Красные дни» основан на многочисленных подлинных фактах, дневниках, письмах, тщательно систематизированных архивных документах. При всём том главенствует гуманистическая концепция автора – в этой невиданно

кровавой братоубийственной войне были одинаково повинны обе противостоящие стороны, стравленные чужой вражеской рукой...

Горячо встреченный читателями роман «Красные дни», однако, тут же нашёл и яростных противников среди ряда высоких идеологических надсмотрщиков и сверхбдительных ветеранов Первой Конной армии, которой командовал С.М. Будённый, – как же, книга якобы «умаляла» заслуги их прославленного полководца... Скандал, казалось бы, возник на пустом месте. Но всё обстояло глубже: сказалось, как вспоминает сотрудник отдела литературы и искусства газеты «Красная звезда» П.И. Ткаченко, готовивший роман к печати, «известное, ни на чём не основанное противопоставление двух конных армий, в равной мере сражавшихся за установление Советской власти. Но противопоставление это, в конечном счёте, имело идеологическую и мировоззренческую подоплётку». Дело дошло до отдела пропаганды ЦК КПСС. Последовало жёсткое указание – дать послесловие «От редакции» о «субъективности» автора и что герой романа Ф.К. Миронов «авантюризм отдельных руководителей (читай: Свердлова, Троцкого), их «перегибы» принимал порой за политику Советской власти...»

Среди читателей романа были люди, хорошо знавшие родную историю, занимавшиеся изучением Гражданской войны. Так, на имя главного редактора «Красной звезды» направил обстоятельное письмо ветеран войны, кандидат исторических наук, полковник в отставке Максим Иванович Сбоячаков, более десяти лет проработавший в Институте марксизма-ленинизма, глубоко знавший и понимавший трагедию Ф.К. Миронова, точнее – ту борьбу, которая велась вокруг его имени: «Пора покончить с троцкистской версией и с предвзятым мнением, исказяющим деятельность полководца» и предложил вернуться к публикации и исправить слово «От редакции». «Максиму Ивановичу ответил заместитель главного редактора генерал-майор Б.В. Пендюр. Я же (П.И. Ткаченко. – В.Ю.) вёл с автором писем переговоры по телефону. А главному редактору пришлось ещё раз объясняться с отделом пропаганды ЦК КПСС».

...Давно отгремела Гражданская война, но, по всему, далеко не закончились кругие идеологические схватки по вопросам, которые, казалось бы, канули в историю. Путь к исторической правде никогда не был усыпан розами и вряд ли когда будет ими усыпан. Иные горе-знатоки нашего прошлого и сегодня, как в былые десятилетия, когда основным методом познания были догматизм, социально-идеологическая ортодоксальность и классовое начётничество, всё ещё навязывают примитивно-упрощённое представление о наших предтечах, по – прежнему делая их на «своих» и «чужих», на «красных», «белых», «зелёных» и прочих, невежественно игнорируя простую, казалось бы, истину: бескомпромиссно сражались и нещадно уничтожали друг друга люди одного общего Отечества, которых умело стравили злые силы и которым, собственно, нечего было делить, а следовало бы бережно охранять Отечество от лютого внешнего врага и устраивать свою внутреннюю жизнь по цивилизованным законам взаимопонимания и взаимосогласия...

Следует иметь в виду, что роман «Красные дни» - не научное исследование, к которому возможно предъявлять те или иные пристрастные фактологические и прочие претензии. Да, работая над произведением, А. Знаменский глубоко и обстоятельно оперировал историко-документальными источниками, но как художник слова он, соответственно своему мировоззрению и эстетическим взглядам, имел полное право на собственную трактовку событий и героев, был вправе восполнять недостающие источники авторским домыслом и вымыслом, что по закону жанра не только допускается, но и приветствуется. Увы, иные толкователи не считаются с основополагающими законами исторического жанра, не понимают или не желают понимать его художественной специфики.

Больше того, художественные образы романа «Красные дни» и изображаемые события нельзя воспринимать как однозначную и окончательную их оценку, возможны разные интерпретации, полемика, то есть сочетание разных мнений и суждений способствует разными путями искать истину, которая, как известно, находится ни справа, ни слева, а в глубине. Подлинный исследователь художественного произведения призван идти по пути смыслия с писателем, избегая тенденциозной заданности, мелкотравчатого критиканства, навязывания собственного, «единственно верного» суждения и мнения. Лишь при этом условии автор и его творческое детище будут гарантированы от наносных ложных оценок и недопустимого субъективизма.

Как бы то ни было, здравомыслие победило; инициатива военно-художественной студии патриотически мыслящих писателей и предпринятое потомками казаков в Москве усилие увенчались успехом: за роман «Красные дни» А.Д. Знаменскому была присуждена Государственная премия России им. М. Горького по литературе за 1989 год. После чего произведение беспрепятственно стали печатать разные российские издательства, а критики хором отмечать как блистательное художественное перо автора, так и широкую просветительскую и социальную значимость романа. Неизменно подчёркивалось – роман «Красные дни» помогает читателям разобраться в сложном узле противоборств и противоречий драматической и трагической эпохи Гражданской войны.

Однако и тут не обошлось без злобных, порой откровенно хулиганских выпадов отдельных персон, питавших явную ненависть к писателю за горячую «нелюбовь» к их идеологическому кумиру - Л.Д. Троцкому и его присным. Находились недоброжелатели, к сожалению, среди отдельных русских патриотов. Активизировались и скандально известные недруги А. Знаменского в краснодарской писательской организации. Но это уже не имело решающего для судьбы романа значения – он пошёл в народ, был горячо, с пониманием принят и одобрен народом. Правда, злая, гнетущая «полемика» вокруг «Красных дней» серьёзно подорвала здоровье А. Знаменского, у которого и без того было очень больное сердце...

Не исключено, что эта грязная, шумная околовературная возня, имевшая явно заказной характер, привела Анатолия Дмитриевича к преждевременному уходу из жизни. Как писала газета «Казачьи вести»: «Слишком близко к сердцу принимал он всё, что происходило в России и с Россией, и сердце не выдержало.

Он умер – точнее, погиб, словно боец на поле брани самой страшной войны, какая только может быть: в столкновении, смертельной схватке двух идеологий – православной, одухотворённой соборностью, человеколюбием и милосердием и пошлой прозападной, сатанинской, развращающей и хищнической, убивающей в человеке Человека».

...Все, кто хорошо знал А.Д. Знаменского, отмечали его мировоззренческую, национально-патриотическую твёрдость, волю, мужество, ненависть к идеологическим противникам, конъюнктуре и приспособленчеству. Вместе с тем это был необычайно доброжелательный, душевный, честный и нравственно чистый человек.

Разделяющее меня с ним большое расстояние и разница в возрасте, жизненном опыте не стали помехой в нашей дружбе, напротив, укрепили её, упрочили меня в мысли, что я на верном жизненном пути. Писатель во многом определил мой мировоззренческий азимут.

Отчётливо помню, как в знаменитый августовский полдень 1991 года мы сидели с Анатолием Дмитриевичем на скамье во дворе его дома, спасаясь от несносной жары в тени многоветвистых виноградных лоз. Приветливая, улыбчивая супруга писателя Нина Борисовна гостеприимно угостила нас вкусной прохладной окрошкой и сладким домашним пирогом (кто знал, что видимся последний раз...). Оба были взволнованы только что громом прокатившихся событий в Москве, непредсказуемостью судьбы Отечества, на душе скребли кошки. Было отчего тревожиться. Страна судорожно извивалась под чудовищным напором разнужданной эйфории, царящей антисоветской истерии на радио, телевидении, в либеральных газетах. А подспудно шли бурные процессы кристаллизации нравственного сознания общества, дифференциации по признакам чести и бесчестия, добра и зла, патриотизма и космополитизма с откровенно прозападным душком.

Я испытывающее глянул Анатолию Дмитриевичу в глаза и напрямик спросил: что он думает о грядущем нашего Отечества.

- «Печально я гляжу на наше поколенье...» - тихим, уставшим голосом процитировал он известную поэтическую строчку и тяжело вздохнул. – Я не слыву пророком. Но кожей чувствую – нас ожидают великие потрясения. Может, пострашней революции и даже Великой Отечественной войны... Больно, очень больно видеть обманутых, оболваненных СМИ, доверчивых людей, которые бездумно поддавшись на ложные дешёвые посулы молочных рек с кисельными берегами, тупо последовали за кликушами и партийными оборотнями, которые вчера ещё с пеной у рта призывали «к победе коммунизма на всех фронтах», а сегодня с таким же ошеломлённым энтузиазмом опрокидывают страну в пресловутую псевдодемократическую безду...

Слушая Анатолия Дмитриевича, я поначалу усомнился. Тогда мне казалось: скоро народ опамятуется, поймёт обман новоиспечённых лживых кумиров – его просто-напросто «надули», как уже не раз случалось в истории, и партийная номенклатура, как хамелеон, сменившая окрас, скоро будет разоблачена, изобличена и низвергнута в пучину забвения. И тогда...

- Нет, дорогой Володя, не сгущаю и не драматизирую, напротив, всё ещё льщу себя призрачной надеждой ошибиться в своих мрачных предчувствиях. Но, по всему, этот социальный абсурд надолго, и горе всех нас ждёт превеликое, невиданное, жестокое, испытания грядут невероятные... Разорвав на куски Советский Союз, англосаксонские русоненавистники, поддержанные нашей «пятой колонной», тут же кинутся жадно разрывать на части и Россию – это главная стратегическая цель агрессивного «цивилизованного» Запада...

- Но, может быть, ещё не поздно остановить эту вакханалию? Есть же здравомыслящие люди, патриоты в армии, КГБ, МВД, да и честные граждане в стране не перевелись, не допустят реставрации капитализма, развала государства... - попытался возразить я.

- Мы упустили своё время, расслабились, обольстились сладкой иллюзией своей неколебимости и моци, не воспрепятствовали умелу сработанной антирусской диверсии Запада, дали возможность пустить корни и укрепиться внутри страны продажным «новомышленникам», вскормленным на деньги США. Бескомпромиссная война Запада и России никогда не прекращалась, она лишь видоизменяла свои формы. Произошла страшная трагедия: победив врага на фронтах Великой Отечественной войны, мы умудрились проиграть войну у себя дома. Да, это и есть самая настоящая третья мировая война – за умы и сердца людей. И мы её пока что проигрываем... Человек ещё слишком слаб, очень податлив на дешёвые побрякушки, потребительские инстинкты у него очень сильны. Но ведь и поражения чему-нибудь да хорошему учат! Надо извлечь горький, поучительный урок – и двигаться дальше, по исторически праведному пути, уготованному великой России.

- И что же теперь делать в этих критических условиях?

- А делать надо вот что: просвещать, образовывать народ. Помогать ему скорее сбросить пелену с глаз, обрести национальное самосознание и собственную гордость. Пробудить в нём утраченное во многом чувство патриотизма, на базе которого жила, крепила свою мощь и независимость некогда могучая Россия на протяжении столетий. Делайте, Володя, и Вы настойчиво и уверенно своё правое дело: пишите, творите в науке, отстаивайте наши истинные духовные ценности, русские национальные святыни, воспитывайте правильное, научное мировоззрение у своих питомцев, которые никогда – слышите, ни к о г д а ! – не должны забывать, что они – р у с с к и е, потомки своих славных предков. Нервозность и суэта тут неуместны, только мешают. Каждому патриоту Отчизны надо занять свой боевой окоп – и не отступать назад ни шагу – как на фронте, в бою. Н и ш а г у н а з а д ! Убеждён, час всеобщего прозренья наступит! Глядя на нас, на наш подвижнический труд, те, кто ещё сомневаются, блуждают в потёмках, на перепутье, в конце концов поймут и примут правоту наших идей и пойдут за нами, поддержат нас. Духовное, национальное сознание русского народа непременно пробудится, созреет для решительных и праведных действий...

...Прошли годы. Воочию вижу, что сбылись опасения писателя-пророка, попала в жестокий капкан западных ненавистников Россия, новый философский

смысл обрели тревоги и думы писателя. Но сбывается и другое его мудрое пророчество: страна поднимается с колен, восстаёт из тьмы и пепла, гордо распрямляет плечи и вновь говорит богатырским голосом в защиту Правды и Справедливости. Будем же свято чтить и помнить завет писателя-патриота: утверждать русский патриотизм, великие гражданские и гуманистические традиции нашей литературы!

...В окно моей квартиры брызнули лучи яркого весеннего солнца. Остро, до боли кольнули глаза. «Когда на землю приходит весна, смерть кажется особенно противоестественной и несправедливой» (Из некролога). Воистину так. Мне хорошо помнятся слова, что часто говорил А.Д. Знаменский: «Творите жизнь! Не поддавайтесь унынию! Уныние Богу противно».

Книги писателя, наша добрая память о нём – и есть тот немеркнущий солнечный свет, что не гаснет, освещает путь к вечной Истине. На смену скорби и печали неизменно приходят живой свет, радость и надежда. В их бесконечном чередовании – вечное движение и смысл жизни. На смену одному – приходит другое. И так без конца. Жизнь – неистребима!..

Болея душой за державу,
Имея характер бойца,
Ты выбрал великое право –
За правду стоять до конца.
Потомкам – правдивые вести –
Таков летописца удел.
О жизни казачьей и чести
Ты дивную песню пропел.
Не сетовал ты на судьбину,
А силу в страданьях обрёл.
Для нашей Отчизны отныне –
Ты – русского духа орёл!
Героям – священная память!
Гори над курганом, звезда!
Он, Знаменский, - с нами, как знамя!
Отныне! Навек! Навсегда!

Эти замечательные стихотворные строки посвятил А.Д. Знаменскому кубанский поэт Владимир Архипов.

Владимир Юдин,
Тверь